DOI: 10.17976/jpps/2015.03.03

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: ОТ БИПОЛЯРНОСТИ К МНОГОПОЛЮСНОСТИ

Н.А. Симония, А.В. Торкунов

СИМОНИЯ Нодари Александрович, доктор исторических наук, доктор политических наук, академик РАН, профессор МГИМО (У) МИД России; ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич, доктор политических наук, академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России. Для связи с авторами: simonia@imemo.ru

Статья поступила в редакцию: 23.02.2015. Принята к печати: 30.03.2015

Аннотация. В поле внимания авторов находятся международные политические процессы, протекающие после окончания Второй мировой войны. Показано, что современный мир находится в состоянии перехода к многополюсному миропорядку, фундаментом которого выступают наличные компоненты, оставшиеся от эпохи биполярности. Проанализирован феномен "сверхдержавного лидерства" и его трансформации на рубеже 1980-1990-х годов, нисхождения, порою мучительного, сверхдержав в ряды "обыкновенных" великих держав, поиска базиса для выстраивания отношений между ними на равноправной основе. Отмечены симптомы смещения глобального центра силы и влияния в XXI в. – от США к КНР. Дана оценка развитию российско-американских отношений, а также претензиям Европейского союза на роль еще одного крупного и влиятельного центра в рамках будущей многополюсности.

Ключевые слова: Россия; США; ЕС; Китай; Ближний Восток; АТР; внешняя политика; мировой порядок; биполярность; кризисы.

После развала биполярной структуры среди экспертов и политиков мира (в том числе российских) развернулась полемика о новом мировом порядке. Спорили в основном о том, будет ли он "однополюсным", "многополюсным", или же в некоем новом составе возродится биполярность. К сожалению, эта дискуссия отличалась скоропалительностью и поверхностностью. Между тем, актуальность и многоаспектность этого вопроса требует его фундаментального анализа с участием как политологов, так и историков, философов, политэкономов, социологов и даже демографов, дабы избежать поверхностных суждений в рамках анализа одних лишь текущих международных отношений или субъективных внешнеполитических концепций. Важно помнить, что биполярность возникла не в один день, а складывалась на протяжении целого исторического этапа; ее конец также стал итогом длительного диалектического процесса развития противоречий, характерных для этой модели миропорядка. Новый мировой порядок также не возникает непосредственно с распадом старого: нам предстоит долгий (по меньшей мере, на несколько десятилетий) *переходный период*, в течение которого будет идти его формирование на базе наличных компонентов, "строительных материалов", оставшихся человечеству от прошлого периода истории. С их краткого аналитического описания и следует начать исследование.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ОДНОПОЛЯРНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК?

Некоторые эксперты и чиновники (особенно в США) полагают, что он уже сформирован и требует лишь некоторой "шлифовки". Они руководствуются простой арифметической методикой: в период биполярности существовали две сверхдержавы; исчезновение одной из них означало переход к однополюсности. Между тем, мы можем пока с уверенностью констатировать лишь факт

сохранения одной из компонент биполярности, которая с исчезновением противовеса утратила объективную основу существования.

В эпоху биполярности США и СССР действительно были сверхдержавами. Главное отличие сверхдержавы от великой державы заключается в том, что в условиях противостояния "двух лагерей", больших групп государств, каждая из сверхдержав исполняет роль лидера и гегемона, ведущего за собой свою группу и несущего главную ответственность за ее безопасность. Само признание (более или менее добровольное) за каким-либо государством сверхдержавного лидерства обусловлено именно опасностью, исходящей от противостоящей группы во главе с другой сверхдержавой. По этой причине с исчезновением ситуации биполярной идеологической (и связанной с ней военно-политической) конфронтации исчезает и базис для сверхдержавной функции. Так, начиная с 1990-х годов, перед США встала поистине историческая задача: трансформироваться из сверхдержавы в "обычную великую державу", пусть даже первую среди равных (в кругу "своих"). Более того, учитывая, что к этому времени в США впервые в мире возник и начал быстро развиваться постиндустриальный информационно-технологический (ИТ, Ай-Ти, *IT*) уклад, США могли бы, и, не прибегая к традиционным (но излюбленным) военно-политическим механизмам, взойти на пьедестал единственного мирового лидера (по крайней мере, в его англо-саксонском спектре, а возможно, и за его рамками).

Наиболее проницательные представители американской интеллектуальной элиты, озабоченные картиной явного упадка привлекательности и влияния США за рубежом, сокращением их удельного веса в мировом валовом продукте, огромной задолженностью (крупнейшей в мире), многочисленными и, как правило, неудачными вооруженными вмешательствами в зарубежных странах (большей частью без санкций СБ ООН), не прибавлявшими престижа США, неоднократно выступали с рецептами упрочения их мирового лидерства. Среди них выдающееся место по праву занимает известный политолог, профессор Гарвардского университета Джозеф Най, автор внешнеполитической концепции "мягкой силы". В связи с публикацией своей новой книги "Наступил ли конец Американского века?" ("*Is the American Century Over?*"), Най дал краткое интервью журналу *Time*, в котором на соответствующий вопрос уверенно ответил: "Не так скоро" ("*Not so fast*")[1]. Най верит в превосходство американской геополитики, угрозу которой представляют не Китай, Индия или Россия, а сама Америка. С военной точки зрения, у США все в порядке – это "глобальный бегемот", тратящий на вооружение в четыре раза больше, чем Китай, который находится на втором месте по этому показателю. Более того, военный бюджет США превышает совокупные военные расходы следующих за ними в рейтинге восьми стран[2]. По ВВП Китай уже

[1] Walsh B. 2015. The American Century Isn't Over. – *Time*. 12.03. URL: http://time.com/3741856/the-american-century-isnt-over/ (accessed 30.03.2015).

[2] *Financial Times* опубликовала следующие цифры: за последние пять лет китайский экспорт вооружений вырос на 143%, но в совокупных мировых продажах вооружений экспорт из США в этот же период составил 31%, из России – 27%, а из Китая – всего 5%. В 2015 г. расходы на военный бюджет Пекина вырастут на 10%. Но США беспокоит концентрация экспорта Китая в азиатские страны: в Пакистан за пять лет ушло 41% китайского экспорта вооружений, еще 28% пришлось на Бангладеш и Мьянму. См. Clover C. 2015. Chinese arms sales surge 143% in 5 years. – *Financial Times*. 16.03. URL: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/52eb31a4-cb99-11e4-aeb5-00144feab7de.html#axzz3Vrc9ALTW (accessed 30.03.2015).

практически превзошел США; однако, отмечает Най, почти половина из 500 крупнейших международных корпораций принадлежат американским гражданам, а из топ-25 глобальных брендов 19 – американские. Ключевым же, по его мнению, является то, что США продолжат занимать доминирующее положение в мире благодаря отсутствию "жизнеспособного противника": ЕС "слишком фрагментарен", Япония "стара", Россия "коррумпирована", Индия "бедна", а Бразилия "малопроизводительна". Влияние Китая на мировой арене будет возрастать, но и он сталкивается с серьезными внутренними вызовами, которые могут стать причиной "схождения с рельсов". Так, КНР не хватает "ингредиента", который делает Америку уникальной страной – открытости для иммиграции. Перспектива утраты США этой своей уникальной черты и перехода к изоляционизму очень беспокоят Ная. Если политический изоляционизм станет постоянной чертой американской внешней политики и рост имущественного неравенства продолжится, это создаст угрозу доминирующему положению Америки в мире. Конечно, добавляет он, США не безгрешны. Так, крупными ошибками стали вторжение в Ирак и непреклонная позиция по проблеме изменения климата. Но трудно представить себе, что мир станет лучше, если им будут править В. Путин или Си Цзиньпин, заключает профессор.

Можно, конечно, согласиться с Наем, что главная угроза Америке – в ней самой, но не совсем по тем причинам, о которых он говорил. Мир движется сегодня от биполярности не к однополюсной сверхдержавности, а к многополюсному миропорядку, в котором не будет места государствам с мессианской идеологией. По неясной причине Най упомянул лишь Ирак; вспомни же он о Вьетнаме, Афганистане, Сирии, Ливии и Йемене, то понял бы всю наивность опасений американского изоляционизма: в современном мире трудно найти страну, не входящую в сферу "национальных интересов США".

Между тем, вскоре после выхода интервью с Наем его анализ по Китаю подвергся серьезному испытанию. Отсутствие у КНР упомянутого уникального американского фактора не помешало ему на региональном уровне нанести чувствительный удар по Вашингтону, а заодно и по контролируемым им в известной мере Всемирному банку и Азиатскому банку развития. Когда в 2013 г. Китай объявил о намерении основать в Шанхае Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (*Asian Infrastructure Investment Bank*), Вашингтон выступил против и настоятельно рекомендовал своим союзникам как в Азии, так и в Европе не поддерживать эту инициативу. Тогда союзники послушались. Но после того как в начале 2015 г. уже 26 стран – главным образом Азии и Ближнего Востока – присоединились к проекту АИИБ, первой в Европе не выдержала Великобритания, выразив желание принять участие в работе Банка. Незамедлительно последовала цепная реакция – к организации присоединились Франция, Германия и Италия, а поначалу отказавшиеся Австралия и Южная Корея вступили в переговоры с Китаем об условиях участия. Известный обозреватель газеты *Financial Times* Гидеон Рахман охарактеризовал эти события следующим образом: вступив в противоборство и проиграв Китаю, Вашингтон ненамеренно послал миру сигнал о смещении центра силы и влияния в XXI в.[3]

[3] Rachman G. 2015. China's money magnet pulls in US allies. – *Financial Times*. 16.03. URL: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/cd466ddc-cbc7-11e4-aeb5-00144feab7de.html#axzz3Vrc9ALTW (accessed 30.03.2015).

Исторический опыт всех великих империй свидетельствует, что их политическим элитам психологически крайне трудно преодолеть "синдром сверхдержавности". Ни президент Буш, ни президент Обама не проявили сколько-нибудь заметных признаков готовности прислушиваться к трезвым и разумным советам ряда экспертов. Создается впечатление, что в результате длительного и безоглядного восхваления якобы непревзойденной мощи США все администрации Соединенных Штатов и впрямь поверили, что силовая политика и есть панацея для решения всех действительных и мнимых проблем, стоящих перед страной. Почти все президенты Штатов открыто и самозабвенно говорили в своих многочисленных выступлениях о практически мессианском предназначении мирового лидерства Америки.

Но есть в США и эксперты, которые время от времени опускают президентов своей страны на грешную землю. В конце прошлого года один из них, известный политолог Джордж Фридман, глава частного аналитического агентства *Stratfor*, которое часто называют "теневым ЦРУ", посетил Москву, где дал интервью газете "Коммерсантъ". По его словам, подлинная мотивация действий США на внешнеполитической арене заключается в том, чтобы не дать никакой другой державе сосредоточить в своих руках слишком много власти. Для этого США не останавливаются даже перед неприкрытой поддержкой государственного переворота, как это произошло на Украине[4], использовав политический кризис в этой стране для "сдерживания российской экспансии", а заодно для получения возможности "построить" европейцев. В сущности, Фридман признал, что, вмешиваясь в украинские дела, администрация США хотела "убить одним выстрелом двух зайцев": изолировать и ослабить Россию (и это в эпоху глобализации!) и удержать в узде главного экономического конкурента – Европу, тем самым блокировав формирование нового полицентрического миропорядка.

Как тут не вспомнить слова Ф. Энгельса о вариантах воздействия власти на объективные процессы развития стран, которое может быть, по его мнению, троякого рода: "Она может действовать в том же направлении – тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития – тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих" [Маркс, Энгельс 1965: 417]. Сегодня кажется, что власти США с упорством, достойным лучшего применения, предпочитают придерживаться второго варианта.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ МНОГОПОЛЮСНЫЙ МИР?

"Многополюсный миропорядок" – это, безусловно, уже не концепция, а объективная историческая реальность, формирование которой идет и будет продолжаться в течение длительного *переходного периода*. Предпосылки этого перехода возникли еще "под шатром" биполярности. Обе сверхдержавы стремились вовлечь в свои лагеря освобождающиеся от колониальной

[4] "Интересы РФ и США в отношении Украины несовместимы друг с другом". – *Коммерсантъ*. 19.12.2014. Доступ: http://www.kommersant.ru/doc/2636177 (проверено 30.03.2015).

и полуколониальной зависимости страны. США действовали как кнутом, так и пряником. С одной стороны, использовался механизм официальной помощи развитию, в результате многолетнего действия которого большинство развивающихся стран попали в финансовую зависимость от Запада (выплаты по основному займу плюс проценты стали намного превышать вновь получаемые средства). С другой стороны, Штаты опутали страны и регионы со стратегически важными ресурсами полезных ископаемых своими военными базами, попытались втянуть "ключевые" развивающиеся страны в военно-политические организации под своей эгидой: *MEDO – Middle-East Defense Organization; Baghdad Pact; CENTO – Central Treaty Organization; SEATO – South-East Asia Treaty Organization*; АЗПАК и т.п.[5] На ключевых маршрутах доставки ценных ресурсов на Запад США выставили свои военно-морские силы (5-й флот в зоне Персидского залива, 7-й флот в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии).

После Второй мировой войны предметом особой заботы Вашингтона было установление контроля над нефтяными ресурсами в развивающихся странах. У США имелись и собственные нефтяные ресурсы, которыми они по ленд-лизу обеспечивали во время войны своих союзников (особенно Великобританию). Но президент Рузвельт был обеспокоен проблемой энергетической безопасности в будущем. Еще в 1943-1944 гг. он обсуждал вопросы консервации собственной нефти на случай третьей мировой войны с министром внутренних дел Гарольдом Икесом. Рузвельт поручил ему переговорить с Великобританией о необходимости освоения после войны ресурсов Ближнего Востока, что вызвало беспокойство Черчилля. Дабы успокоить его, на встрече с послом Великобритании Рузвельт показал ему схему раздела Ближнего Востока. "Персидская нефть – ваша, – сказал он послу. – Нефть Ирака и Кувейта мы поделим. Что касается нефти Саудовской Аравии, то она наша" [Ергин 2001: 397-398, 403-404][6]. По сути, Рузвельт и Икес заложили фундамент системы доминирования на мировом нефтяном рынке в течение более четверти века после окончания мировой войны англо-саксонской группы корпораций, получившей название "семи сестер" (*Exxon, Mobil, Chevron, Gulf, Texaco, BP, Royal Dutch/Shell*). В последующем "сестры" вовлеклись в процессы слияний и поглощений, "семерка" превратилась в "четверку" – *ExxonMobil, Chevron, BP* и *Shell*. В тот период нефть продавалась на основе "справочной цены", установленной Техасской железнодорожной комиссией примерно на уровне двух долларов США, что во многом обусловило комфортные условия общего экономического развития Америки и ряда европейских стран. Это "благополучие" закончилось после "нефтяного шока" 1973 г., когда даже ближайший союзник Вашингтона, король Саудовской Аравии, объявил мораторий на экспорт нефти в США и Голландию за поддержку оружием Тель-Авива в очередной арабо-израильской войне. С тех пор "дремавшая" ОПЕК получила второе дыхание и порушила механизм "справочной цены".

[5] Впрочем, все эти организации канули в прошлое – молодые политологи не имеют теперь даже представления о них.

[6] Не случайно сразу после знаменитой Ялтинской конференции (февраль 1945 г.) с участием лидеров трех стран – СССР, США и Великобритании, – Рузвельт вылетел с визитом к королю Саудовской Аравии Ибн Сауду.

Естественно, в период биполярности Советский Союз также стремился объединить некоторую часть развивающихся государств в группу так наз. стран социалистической ориентации. Но формационный уровень этой группы в целом не дотягивал даже до раннекапиталистического развития, а ресурсы СССР были ограничены противоборством с западными странами.

Конечно, в период биполярности ни одна из развивающихся стран, даже самых крупных, не могла в одиночку бросить реальный вызов США и их союзникам. Большинство из них были поглощены внутренними проблемами и конфликтами, противоречия национально-государственного строительства вели порою к прямым вооруженным столкновениям; однако, пока сверхдержавы выясняли свои отношения в рамках биполярной структуры, в мире медленно, но неуклонно накапливались элементы или, образно говоря, "строительный материал" для будущего многополюсного мира. Так, с начала 1960-х годов лидеры ряда "прогрессивных" стран (Индии, Югославии, Египта, Индонезии, Цейлона) стали разделять идею неучастия в военно-политических блоках, из которой выросло Движение неприсоединения, быстро набравшее силу (к началу 1990-х годов численность стран-участников перевалила за сотню). Другим проявлением этой тенденции стал *регионализм, но без участия западных "покровителей"* (АСЕАН, Меркосур и др.). Это движение в итоге послужило средством и ступенькой для постепенного вовлечения стран-участниц в процесс глобализации.

С развалом биполярности начался этап интенсификации становления многополярного мира. Процесс этот отличается неравномерностью: с одной стороны, по темпам и последовательности накопления потенциала конфликтности между будущими полюсами, с другой – по созданию различных структур развития – социально-экономического, военно-политического, демографического – внутри таких полюсов. Так, в ряде государств Азии возник феномен "экономического чуда". За Японией последовала Южная Корея, в следующий эшелон вошли некоторые страны Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Таиланд, подтягивается Индонезия). Наконец, Китай "очнулся" от потрясений маоистских экспериментов; продуманные и последовательные реформы, начатые Дэн Сяопином, вывели страну на траекторию четвертьвекового непрерывного роста ВВП. Создание современных вооруженных сил, впечатляющие успехи во внешней торговле (в том числе с США, Японией, Южной Кореей и многими другими странами), стремительный рост зарубежных инвестиций, крупнейшие инвалютные резервы (включая американские казначейские бонды) – все это и многое другое говорит о том, что Китай твердо стоит на пути превращения в один из крупнейших центров многополюсного мира. Некоторые эксперты в связи с этим сделали вывод о новом биполярном мировом порядке, формируемом США и КНР. Известно, что ряд высокопоставленных американских чиновников разделяет эту точку зрения, и Китаю делались даже предложения по созданию "дуумвирата". Но мудрое китайское руководство, имея перед глазами опыт взаимоотношений и с ЕС, и с Россией, дипломатично отклонило это предложение. Лидер КНР Си Цзиньпин выступил с "новой концепцией партнерства", в рамках которой Китай позиционируется как "крупная развивающаяся страна" [Виноградов 2014: 51; Давыдов 2014: 71]. Китайское руководство осуждает стремление Вашингтона "сковать" КНР цепью двусторонних соглашений

с соседними странами под лозунгом "США возвращаются в АТР" (хотя они никогда и не уходили из этого региона). Сегодня Б. Обама активно формирует Транс-Тихоокеанское партнерство, состоящее из 12 стран (естественно, без участия России). В ноябре 2014 г., перед началом саммита АТЭС в Пекине, он собрал в посольстве США лидеров этих стран. Позднее председатель КНР Си Цзиньпин выступил на форуме с предложением о формировании Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Этот проект предусматривает активное участие России. В свою очередь, В. Путин высказался за то, чтобы страны АТР не разделялись на конкурирующие между собой объединения[7].

Отметим, что некоторые эксперты, оперируя общими статистическими показателями упомянутых успехов Китая и в преддверии достижения и превышения им показателя ВВП США, заговорили о смене мирового лидерства. Нам уже приходилось подробно высказываться по этому вопросу [Симония, Торкунов 2013: 67-82], поэтому здесь мы коротко резюмируем основные положения.

Показатель ВВП (даже более детальный – на душу населения) ничего не говорит нам о его структуре и качестве. В Китае огромная доля ВВП имеет источником *индустриальный* сектор. Степень урбанизации страны еще не очень высока: городское население составляет 51%, существует большой разрыв подушевых доходов с населением в сельской местности. Отдельные элементы все еще не оформившегося IT-сектора представлены либо филиалами крупных международных корпораций, либо гонконгскими и тайваньскими фирмами (например, производителями чипов), либо совместными предприятиями с иностранным капиталом. Таким образом, в формационном отношении Китай еще долго будет развиваться по модели "догоняющей страны".

Руководители КНР не питают иллюзий по этому поводу: они сознательно не желают втягиваться в гонку за "сверхдержавный статус", который весьма обременителен для страны и в конечном итоге малопродуктивен, особенно в современных условиях. Поэтому они предпочитают придерживаться стратегического партнерства со всеми великими державами.

Что касается России, то после развала СССР она потеряла целое десятилетие в ходе инициированного Ельциным процесса "разбрасывания камней" ("берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить"[8]), чуть не приведшего к развалу теперь уже самой России, и еще больше – в связи с хищническим и паразитическим разгулом быстро сформировавшегося бюрократического капитала. В этот период в страну нахлынули эксперты из США, отдававшие указания даже на правительственном уровне. Некоторые из них, пользуясь инсайдерской информацией, участвовали в прибыльном бизнесе. Итог оказался весьма печальным: экономический потенциал России сократился вдвое (и это в мирное время!), и в условиях нарастающей коррупции страна, искусно направляемая международными финансовыми организациями, пришла в 1998 г. к дефолту.

В 2000-е годы России пришлось заняться "собиранием камней" и нейтрализацией засилья олигархов (что на Западе и некоторыми российскими либералами было расценено как "возвращение к сталинизму"). Первое время (особенно

[7] Колесников А. 2014. 12 друзей Пасифик Оушена. – *Коммерсантъ*, 12.11. Доступ: http://www.kommersant.ru/doc/2608409 (проверено 30.03.2015).

[8] *Известия*, 08.08.1990.

после терактов 11 сентября 2001 г. в США) российское руководство проводило дружелюбную внешнюю политику по отношению к Западу, надеясь установить с ним реальное стратегическое партнерство. На деле же Запад, особенно США, отнюдь не имел таких намерений, лицемерно прикрываясь соответствующей фразеологией. Такая позиция России была ошибочно принята за слабость; ее решили "дожать", продвигая НАТО все ближе к границам России, пытаясь изолировать ее от ближайших соседей. Однако ошибка Вашингтона и его союзников заключалась в недооценке готовности российского руководства откровенно и действенно противостоять их геополитическому натиску. Когда, наконец, администрация США и некоторые ее европейские союзники осознали этот крупный просчет, у них сдали нервы, и Вашингтон взялся за излюбленное геополитическое оружие – *санкции*. Схема применения этого механизма достаточно примитивна: против страны предпринимается акция, нацеленная на возбуждение у ее руководства отрицательной реакции, затем в ответ на эту реакцию выдвигается искусственное "обвинение", которое мгновенно подхватывается и тиражируется в западных СМИ; в конце концов, происходит смена (или свержение) руководства. В случае же с Россией Вашингтон проявил самонадеянность: в условиях современной глобализации этот механизм не сработал против такой крупной и достаточно сильной страны, какой является сегодня Россия. Нельзя, конечно, отрицать, что из-за каскада санкций ей пришлось пересмотреть некоторые инвестиционные проекты, но, тем не менее, США не удалось достичь желаемых геополитических и геоэкономических целей. Символично, что Б. Обаме в его ежегодном послании пришлось впервые призвать к открытому противостоянию Москве. Продолжая заочную полемику с Москвой, он не согласился с оценкой действий Кремля как "мастерской демонстрации стратегии и силы". По его мнению, уместнее говорить "о силе США и их союзников, а не изолированной России, экономика которой находится в плачевном состоянии"[9].

Создается впечатление, что американский президент пребывает в мире грез и не знает элементарных фактов. Ведь как раз в период нарастающих "секторальных" антироссийских санкций российское руководство посетило с официальными визитами и заключило крупные долгосрочные экономические, в том числе энергетические, соглашения о сотрудничестве с такими серьезными партнерами, как Китай, Индия, Турция, Сербия, Египет и т.д. И даже в самом ЕС назревает недовольство, а иногда и откровенный протест против навязываемых из-за океана и брюссельской бюрократией санкций, о чем ярко свидетельствует визит российского президента в Венгрию. Это неудивительно: санкции наносят урон не только России, но и большинству членов ЕС. Страдает и западный бизнес, часть которого проявляет большой интерес к России, судя по последним экономическим и энергетическим форумам, проводившимся как в России, так и в Давосе и Лондоне. При этом многие зарубежные топ-менеджеры устраиваются на удобные позиции в крупные российские корпорации (РЖД, "Роснефть", "Транснефть", "АвтоВАЗ", "Сбербанк" и т.д.).

Всякий кризис неизбежно заканчивается, и Россия, опираясь на свою многовекторную внешнюю политику, ускорит шаги к превращению в еще один важный центр в рамках формирующегося многополюсного мирового порядка.

[9] Цит. по: Строкань С. 2015. Барак Обама переосмыслил Россию. – *Коммерсантъ*. 22.01. Доступ: http://www.kommersant.ru/doc/2650986 (проверено 30.03.2015).

Говоря о новом мировом порядке, было бы упущением не коснуться еще одной темы. Несколько лет тому назад казалось, что Евросоюз, несомненно, мог бы претендовать на роль еще одного крупного и влиятельного центра в рамках будущей многополюсности. ЕС удалось более или менее сравняться по ВВП с главным конкурентом – США. На одном из его саммитов было решено преодолеть отставание от американского IT-сектора. Но со второй половины 1990-х годов высокие показатели роста в большинстве членов ЕС стали сходить на нет, и напротив, показатели безработицы стали бить рекорды (особенно среди молодого трудоспособного населения). Таким образом, основополагающие цели Маастрихтского договора не были достигнуты. Безусловно, это масштабная и во многом спорная тема; здесь мы ограничимся некоторыми краткими замечаниями по вопросам, которым уделяется, считаем, недостаточно внимания.

Во-первых, процесс интеграции в ЕС был чрезмерно форсирован – и по темпам, и по расширению состава. В итоге Союз стал чересчур гетерогенным сообществом национальных государств, что и в спокойные годы представляет труднопреодолимые препятствия, а в периоды глобальных кризисов усугубляет его структурный кризис (в отличие от США).

Во-вторых, Маастрихтский договор предусматривал демократические методы интеграции и ее регулирования, а наднациональная союзная надстройка – *брюссельская бюрократия* (как и положено всякой бюрократии по "законам Паркинсона"), консолидировавшись, узурпировала основополагающие функции национальных государств – проведение независимой экономической политики и возможность независимого привлечения займов и кредитов. Изощренное Постановление 1466/97 заменило эти две суверенные функции обязанностями исполнения программ, предписываемых каждой стране Брюсселем [подробнее см. Симония, Торкунов 2014: 9-19]. Брюссельская бюрократия фактически начала строить "объединенный европейский дом" с крыши, подрывая базис функционирования экономик членов Союза, подавляя инициативу на национальном уровне.

В-третьих, усиление авторитаризма брюссельской бюрократии было весьма выгодно Вашингтону: оно позволяло использовать эту небольшую институциональную прослойку для подчинения всего ЕС с целью реализации собственных геополитических и геоэкономических интересов, в частности, блокирования углубления взаимовыгодного экономического и энергетического сотрудничества членов ЕС с Россией, а также предотвращения превращения ЕС в автономный центр влияния в будущем многополюсном мире. За последние 15 лет Вашингтон весьма преуспел в трансформации ЕС в "несостоявшегося претендента" на статус такого центра влияния (перефразируя термин "несостоявшееся государство" – *failed state*).

Сможет ли ЕС избавиться от этой опеки и кто ему в этом поможет? Председатель КНР Си Цзиньпин во время недавнего визита в Европу, представляя свою уже упомянутую "новую концепцию партнерства", охарактеризовал ЕС как "крупнейшее объединение развитых стран" [Виноградов 2014: 51]. Сможет ли этот китайский "аванс", выданный ЕС, поспособствовать его выходу из-под тени Большого брата?

Виноградов А.О. 2014. Европейское наступление Пекина – тактика или стратегия? – *Проблемы Дальнего Востока*. № 5. С. 50-57.

Давыдов А. 2014. Послесловие: размышления за "круглым столом". – *Проблемы Дальнего Востока*. № 5. С. 70-74.

Ергин Д. 2001. *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. М.: ДеНово. 887 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1965. *Сочинения*. Т. 37. М.: Издательство политической литературы. 630 с.

Симония Н.А., Торкунов А.В. 2013. *Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность*. М.: Международная жизнь. 88 с.

Симония Н.А., Торкунов А.В. 2014. Энергобезопасность ЕС и Россия. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 9-19.

DOI: 10.17976/jpps/2015.03.03

NEW WORLD ORDER: FROM BIPOLARITY TO MULTIPOLARITY

N.A. Simonia[1], A.V. Torkunov[2]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia. Moscow, Russia*

[2]*Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia. Moscow, Russia*

SIMONIA Nodari Aleksandrovich, Dr. Sci. (Hist.), Dr. Sci. (Pol. Sci.), full member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia; TORKUNOV Anatoliy Vasilyevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), full member of RAS, Rector, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia. Email: simonia@imemo.ru

Received: 23.02.2015. Accepted: 30.03.2015

Abstract. Studied in the article are international political processes taking place since the end of World War II. It is shown that the modern world is in a state of transition to a multipolar world order – a process based on the foundation components left from the era of bipolarity. Analyzed is the phenomenon of "superpower leadership" and its transformation at the turn of 1980-1990s, descent, sometimes painful, of superpowers to the ranks of "ordinary" great powers, search for grounds for building relations between them on an equal footing. Marked are the symptoms of the shift of the global centre of power and influence in the 21st century from the USA to China. Evaluated is development of Russian-American relations, as well as claims of the European Union on the role of another large and influential centre in the future multipolar world.

Keywords: Russia; USA; EU; China; Middle East; Asia-Pacific Region; foreign policy; world order; crises.

References

Davydov A. Afterword: Reflections of the "Round Table". – *Far Eastern Affairs*. 2015. No. 5. P. 70-74. (In Russ.)

Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 37. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 1965. 630 p. (In Russ.)

Simonia N.A., Torkunov A.V. *Globalizatsiya, strukturnyi krizis i mirovoe liderstvo. Mify i real'nost'* [Globalization, Structural Crisis and World Leadership. Myths and Reality]. Moscow: Mezhdunarodnaya zhizn'. 2013. 88 p. (In Russ.)

Simonia N.A., Torkunov A.V. European Union's Energy Security and Russia. – *Polis. Political Studies*. 2014. No. 5. P. 9-19. (In Russ.)

Vinogradov A.O. European Offensive of Beijing – Tactic or Strategy? – *Far Eastern Affairs*. 2015. No. 5. P. 50-57. (In Russ.)

Yeargin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, & Power. N.Y.: Free Press. 928 p. (Russ. ed.: Yeargin D. *Dobycha. Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'*. Moscow: DeNovo. 2001. 887 p.).

Extended Abstract. In a worldview of some experts and officials (especially in the USA), today's world is unipolar, though this international order only needs some "polishing." They are guided by the fact that during the period of bipolarity, there were two superpowers; the withdrawal of one of them from the scene meant a transition to the unipolar world. However, now we can postulate

with assurance the fact that only one of the components of the former bipolarity has survived; though, with the disappearance of the counterweight, it has lost the objective basis of its existence.

Starting from the 1990s, the United States acquired an historical mission of converting itself from a superpower into a great power, even maybe the global leading power, but on a relatively equal basis (at least initially, within the bloc of supporters). Given that by this moment, the United States, for the first time in the world history, began to rapidly build a post-industrial and information-technological *modus vivendi*, the country could, even without resorting to traditional military and political mechanisms, be perceived as the only world leader (at least in its Anglo-Saxon spectrum, and perhaps beyond)

According to the authors' point of view, despite this fact, the US administration has presumably demonstrated no noteworthy signs of willingness to listen to sober and sensible advice of some experts, and continued to proclaim almost messianic mission of America's global leadership, ignoring the fact that with the collapse of bipolarity, we are witnessing the intensifying process of formation of a multipolar world order, in which there is no place to countries with messianic ideology. The basic characteristics of this process took shape in the period of bipolarity (the formation of the Non-Alignment Movement as a marked example). This process is uneven from the point of view, on the one hand, of the pace and sequence of accumulation of a potential future conflict between the poles, and on the other hand, of construction in such poles of different structures – social, economic, military and political, as well as demographic. Thus, some Asian countries have given birth to the phenomenon of "economic miracle". Well-thought and progressive reforms initiated by Deng Xiaoping guided China towards a trajectory of a quarter-century-long continuous growth of its GDP, towards the creation of modern armed forces, impressive gains in foreign trade (including trade with the USA, Japan, South Korea, and many other countries), towards the rapid growth of foreign investment, the largest foreign exchange reserves (including US treasury bonds). All these and no less eloquent examples demonstrate that China is firmly on its way to gain the title one of the most powerful centers of the multipolar world. Finally, the fact that recently the United Kingdom, France, Germany, and Italy backed China's initiative of founding the Asian Infrastructure Investment Bank, despite strong recommendations from overseas to refrain from doing so, was a pointed evidence that the center of power and influence in the 21st century is steadily changing its location.

A few years ago, it seemed that the European Union could undoubtedly claim the role of another large locus of influence in the future multipolar order, which was able to compete in terms of its GDP with the main competitor, the United States. At one of its summits, the EU adopted a decision to catch up with the American IT-sector. But in the second half of the 1990s, in most EU member states, on the one hand, the high rates of growth began to wane, and on the other hand, the unemployment rate began to break records (especially among the younger working-age population). Thus, the EU has failed to achieve the fundamental objectives of the Maastricht Treaty. Over the past 15 years, Washington was very successful in transforming the EU into a "failed applicant" to the status of such a center of influence. Chinese President Xi Jinping during his recent visit to Europe, presenting its "new concept of partnership", described the EU as "the largest association of developed countries". The authors put a question whether this "trump card", issued by China to the EU could contribute to its narrow escape from the shadow of the Big Brother?